

XXXVIII-й

годъ изд.

М И Н С К І Я

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ,
около 1 и 15 чиселъ.

Годовая цѣна 5 руб. съ перес.

1905.

Подписка принимается въ редакціи Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ губ. г. Минскѣ.

15-го Апрѣля. № 8. 15-го Апрѣля.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

По Всеподданѣйшему докладу Святѣйшаго Синода о созваніи собора Епархіальныхъ Епископовъ.

На всеподданѣйшемъ докладѣ Святѣйшаго Синода о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патриаршества и для обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 31-й день марта сего года, Собственноручно начертать:

„Признаю невозможнымъ совершить въ переживаемое нынѣ тревожное время столь великое дѣло, требующее и спокойствія и обдуманности, каково созваніе помѣстного собора. Предоставляю Себѣ, когда наступитъ благоприятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ православныхъ Императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и созвать соборъ Всероссійской Церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія“.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода отъ 1-го апрѣля 1905 г.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 1-го Апрѣля за № 2333, по Высочайшему повелѣнію, восполѣдовавшему на всеподданнѣйшемъ докладѣ Святѣйшаго Синода о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патриаршества и для обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи. Справка: Во исполненіе Высочайшей воли, объявленной Святѣйшему Синоду 13 минувшаго марта, объ изыятіи вопроса объ управленіи Россійской Церковью изъ особаго совѣщанія Комитета Министровъ и передачѣ онаго на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода, былъ составленъ всеподданнѣйшій докладъ и повергнутъ на Высочайшее Государя Императора благовозрѣніе. Приказали: Означенное Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе всеподданнѣйше воспринять къ свѣдѣнію; о чемъ и напечатать въ журналѣ „Церковныя Вѣдомости“.

Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 22 Марта 1905 г. № 3019, на имя Преосвященнаго Михаила, Епископа Минскаго и Туровскаго, дано знать о назначеніи, согласно ходатайству Его Преосвященства, священника Привокзальной церкви г. Минска **Пигулевскаго** штатнымъ членомъ Минской Духовной Консистоіи.

Указомъ Св. Синода, отъ 31 марта сего года за № 3393, на имя Преосвященнаго Михаила, Епископа Минскаго и Туровскаго, ректоръ Минской духовной семинаріи Архимандритъ **Николай** перемѣщенъ на такую же должность въ Костромскую духовную семинарію.

Распоряженія Епархіального Начальства.

Перемѣны по епархіальной службѣ.

Крестьяне Ивапъ **Ситницкій** и Лука **Шевко** утверждены въ должности церковныхъ старостъ первый къ Боровской церкви, Пинск. у., а послѣдній къ Ятранской церкви Новогр. у.,— оба на 1-е 3-хъ лѣтіе и оба—23 Марта.

Крестьянинъ Константинъ **Ковалевичъ** утверждень въ должности церковнаго старосты къ Доброславской церкви, Пинск. у., на 2-е 3-хъ лѣтіе—25 Марта.

Вр. и. д. псаломщика Хотынической церкви, Пинск. у., Порфирій **Булойчикъ** утверждень въ занимаемой должности—25 Марта.

Крестьянинъ Игнатій **Василевскій** утверждень въ должности церковнаго старосты къ Острошицко-Городецкой церкви, Минск. у., на 1-е 3-хъ лѣтіе—30 Марта.

Іеродіаконъ Крестовой церкви Архіерейскаго дома **Савватій** рукоположенъ во Іеромонаха—20 Февраля.

Крестьянинъ Николай **Ревенскій** опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика къ Новогрудской Борисо-Глѣбской церкви—1 Апрѣля.

Опредѣленный на священническое мѣсто къ Стругской церкви, Пинск. у., окончившій курсъ Д. Семинаріи Павелъ **Троицкій** отчисленъ отъ означеннаго мѣста за неявкою къ рукоположенію, а на мѣсто сіе опредѣленъ, согласно прошенію, учитель народнаго училища Константинъ **Чуйко**—1 Апрѣля.

Священникъ Острожанской церкви, Моз. у., Александръ **Шалай** перемѣщенъ, согласно прошенію, на таковое же мѣсто къ Кимейской церкви, Борис. у.,—1 Апрѣля.

Законоучитель Лунинецкой желѣзно-дорожной школы священникъ Александръ **Перепечинъ** перемѣщенъ, согласно прошенію, на священническое мѣсто къ Старосельской церкви, Минск. у.,—1 Апрѣля.

Священникъ Еремической церкви, Новогр. у., Александръ **Терравскій** перемѣщенъ на таковое же мѣсто къ Тимковичской церкви, Слуцк. у.,—1 Апрѣля.

Священникъ Старчицкой церкви, Слуцк. у., Алексѣй **Русецкій** перемѣщенъ, согласно прошенію, на таковое же мѣсто къ Еремичской церкви, Новогр. у.,—1 Апрѣля.

Канцелярскій служитель Консисторіи Евгеній **Воробьевъ** опредѣленъ временно исправляющимъ должность столоначальника з стола Консисторіи—1-го Апрѣля.

Дворянинъ Михаилъ **Поповъ** уволенъ, согласно прошенію, отъ должности церковнаго старосты Кокуевичской церкви, Рѣч. у.,—30-го Марта.

Учителю Лунинецкой церк.-приходской желѣзнодорожной школы Василию **Минкевичу** предоставлено, согласно прошенію, мѣсто священника законоучителя при Лунинецкой церкви-школь—2-го Апрѣля.

Священникъ Полберегской церкви, Новогр. у., Михаилъ **Савицкій** перемѣщенъ, согласно прошенію, на таковое же мѣсто къ Велико-Жуховичской церкви, того же у.,—2-го Апрѣля.

Эконому Д. Семинаріи діакону Платону **Наревичу** предоставлено, согласно прошенію, священническое мѣсто при Вязокской церкви, Бобр. у.,—2 Апрѣля.

Священники церквей: Бѣлянской, Пинск. у., Алексѣй **Звѣревъ** и Пліосовичской, Бобр. у., Василий **Тышкевичъ** перемѣщены, согласно прошенію, одинъ на мѣсто другого—3-го Апрѣля.

Крестыанинъ Алексѣй **Черепко** утвержденъ въ должности церковнаго старосты къ Замошской церкви, Бобр. у., на 1-е 3-хъ лѣтіе 3-го Апрѣля.

Священническій сынъ Павелъ **Зелинскій** опредѣленъ, согласно прошенію, на псаломщическое мѣсто къ Бастынской церкви, Пинск. у.,—3-го Апрѣля.

Псаломщическій сынъ Павелъ **Громыко** опредѣленъ согласно прошенію, на псаломщическое мѣсто къ Будчанской церкви, Слуцк. у.,—3-го Апрѣля.

Преподано Архипастырское благословеніе Его Преосвященства съ выдачею грамоты учителю Минской женской

воскресной школы Ивану Опупрѣвичу **Романовскому** за его безвозмездную и усердную службу по означенной должности.

Преодано Архипастырское благословеніе Его Преосвященства попечителю Грабовской церковно-приходской школы, Мозырскаго уѣзда, Митрофану Ильичу **Хрущову**, управляющему имѣніемъ Ветчинъ, за его заботливое отношеніе къ благоустройству названной школы.

Объявляется Архипастырская благодарность за пожертвованія въ церкви прихожанамъ церковей Минскаго уѣзда: Изяславской Рождество-Богородичной, Городицкой, Старосельской и Ивенецкой, а также женъ Генераль-Лейтенанта Елизаветъ Викторовнѣ **Мезенцовой**, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Михаилу Алексѣевичу **Малахову** и крестьянамъ Магдалинѣ **Милевской**, Варварѣ **Давидовичъ**, Иосифу **Красовскому**, **Буйницкому**, Константину **Пикшѣ** и Леону **Сенкевичу**.

Объявляется благодарность Епархіальнаго Начальства за пожертвованія въ церкви *прихожанамъ Мѣстковичской и Бѣлянской церковей* Пинск. у.

Избраны въ составъ церковно-приходскихъ попечительствъ:

- 1) Доброславской церкви, Пинск. у.,—предсѣдателемъ священникъ Василій Томашевскій, а членами 10 прихожанъ изъ крестьянъ;
- 2) Ястребльской, Новогр. у.,—предсѣдателемъ священникъ Иосифъ Кезевичъ, а членами 14 прихожанъ изъ крестьянъ;
- 3) Новоселковской, Слуцк. у.,—предсѣдателемъ священникъ Викторъ Пигулевскій, а членами 5 прихожанъ изъ крестьянъ.

Некрологъ. Умерли: заштатный пономарь Мартинъ **Лавровскій** 16, псаломщикъ Велико-Слободской церкви, Новогр. у., Константинъ **Корженевскій**—25 и священникъ Достоевской церкви, Пинск. у., Кириллъ **Громаковскій**—29 Марта.

ВЪ ДОМОСТЬ

о количествѣ денегъ, удержанныхъ изъ жалованья духовенства за Мартъ мѣсяць 1905 года.

Изъ жалованья духовенства епархіи за Мартъ мѣсяць удержано: 1) на жалованье Минскаго Епархіального Миссіонера съ каждаго протоіерея и священника по 1 р. 3 к. съ правомъ полученія удержанныхъ денегъ изъ церковныхъ суммъ, при вакантности священническаго мѣста удержаніе произведено изъ жалованья мѣстныхъ благочинныхъ, 2) на содержаніе воспитанниковъ Епархіального Общежитія при Минской Духовной Семинаріи съ каждаго протоіерея и священника по 2 р. 50 коп. и съ каждаго діакона и псаломщика по 1 р. 16 к. 3) за высланные консисторією циркулярные указы въ 1903 и 1904 г. съ каждаго настоятеля церкви по 45 к., съ правомъ полученія удержанныхъ денегъ изъ церковныхъ суммъ; при вакантности настоятельскаго мѣста удержаніе произведено изъ жалованья мѣстныхъ псаломщиковъ, 4) въ доходъ казны за назначеніе на должность съ священниковъ церковей: Поручинской, Новогр. у., Сергѣя Радаковскаго, Ванюжичской, Моз. у., Ивана Мацкевича, Рычевской, того же у., Николая Юноцкевича, Ольманской, Пинск. у., Германа Ташкова, Стаховской, того же у., Симеона Шикаловича, Бѣлоушской, того же у., Владимира Покровскаго, Нобельской, того же у., Іуліана Сомковича, Озеранской, Моз. у., Тимофея Андреевскаго, Оревичской, Рѣч. у., Михаила Рубановича, Малковичской, Пинск. у., Георгія Шумаковича и Горвальской, Рѣч. у., Іоанна Загоровскаго по 10 р. 88 к. съ каждаго и псаломщиковъ церковей: Койдановской, Минск. у., Василя Саковича, Ляховичской, Слуцк. у., Владимира Гомолицкаго, Горковской, Бобр. у., Ивана Андреевскаго по 3 р. 63 к. съ

каждаго, Хмарино-Городецкой, Минск. у., Николая Красовскаго, Папернянской, того же у., Григорія Герасимовича, Изяславской, того же у., Максимилиана Говорскаго, Новосадской, того же у., Михаила Новаковскаго, Мало-Долецкой, Борис. у., Зиновія Жижейко, Вилейской, того же у., Василя Околовича, Смолевичской, того же у., Юсифа Вериги, Прусевичской, того же у., Владимира Пигулевскаго, Янушкевичской, того же у., Павла Лисицы, Пліосовичской, Бобр. у. Петра Голиневича, Ляховичской, Пинск. у., Николая Шеметилло, Барбаровской, Рѣч. у., Василя Ржецкаго, Ново Борсукской, того же у., Алексѣя Кричевскаго, Жаровской, того же у., Николая Умецкаго, Оздамичской, Моз. у., Василя Паренчика, Жодинской, Борис. у., Игнатія Жигалко, Горвальской, Рѣч. у., Тихона Атрошенко по 3 р. 27 к. съ cadaго, Новомышской, Новогр. у., Ивана Москалевича, Желѣзницкой, того же у., Александра Сосиновскаго, Дунайчицкой, Слуцк. у., Иустина Тычино, Трухановичской, Игум. у., Котратія Сасина, Славковичской, Бобр. у., Меодія Волочковича, Колковской, Рѣч. у., Владимира Сачко, Оревичской, того же у., Григорія Рудницкаго по 3 р. 26 к. съ cadaго, Минской кладбищенской діакона Александра Мацкевича и Минской кладбищенской Владимира Терравскаго по 4 р. 49 к. съ cadaго; 5) за увеличеніе содержанія съ священниковъ церквей: Славковичской, Бобр. у., Юсифа Герасимовича, Оздамичской, Моз. у., Иларіона Бразовскаго, Жабчицкой, Пинск. у., Георгія Перепечина по 21 р. 76 к. съ cadaго, Локницкой, Пинск. у., Григорія Киркевича и Дольской, того же у., Θεодора Новицкаго по 22 р. 85 к. съ cadaго, Глушкевичской, Моз. у., Константина Ясинскаго 19 р. 17 коп. и Привокзальной г. Мисека Антонія Пигулевскаго 8 р. 19 к. и псаломщиковъ Бобруйскаго собора Александра Бирюковича и Минскаго Екатерининскаго Константина Ильинскаго по 3 р. 68 к. съ cadaго; 6) въ депозитъ Консистоіи съ священника Урѣчской церкви, Бобр. у., Николая Делекторскаго 28 р. 66 к. и псаломщиковъ церквей: Бѣлосорокской, Рѣч. у., Николая Михайлова 2 р. 45 к., Заспенской, того же у., Ивана Мацкевича, Холмечской, того же у., Петра Шумаковича, Деревоской, Пинск. у., Ивана Хруцкаго и Вуйвичской,

того же у., Данила Печенко по 2 р. 50 коп. съ каждаго, Демидовичской, Рѣч. у., Константина Соловьевича 3 р. 26 к. и 7) въ депозитъ Минскаго Окружнаго Суда, уѣздныхъ членовъ онаго, городскихъ судей и земскихъ начальниковъ съ священниковъ церквей: Чико-Витовецкой, Минск. у., Александра Горбачевского 13 р. 6 к., Дудичской, Игум. у., Иларіона Пастернацкаго, Лучицкой, Моз. у., Петра Сулковскаго и Сервечской, Нов. у., Константина Желѣзняковича по 8 р. 16 коп. и псаломщиковъ церквей: Минской Екатериинской соборной Константина Горбачевича 3 р. 25 к., Привокзальной города Минска Михаила Кулькова 1 р. 99 к., Городыщской, Новогр. у., Лаврентія Житкевича Телеханской, Пинск. у., Николая Насѣдкина по 2 р. 50 к. съ каждаго, Мхерино-Рубежской, Борис. у., Василія Баталина 1 р. 21 к. и Турецкой, Новогр. у., Михаила Новицкаго 2 р.

Вакантныя мѣста при церквахъ:

А) Священническія:

- 1) Засульской, Минск. у.,—15 Декабря 1904 г.
- 2) Свислочской Николаевск., Бобр. у.,—1 Января 1905 г.
- 3) Зборской, Игум. у.,—17 Февраля.
- 4) Достоевской, Пинск. у.,—29 Марта.
- 5) Острожанской, Моз. у.,—1 Апрѣля.
- и 6) Старчицкой, Слуцк. у.,—1 Апрѣля.

Б) Псаломщическія:

- 1) Морочанской, Пинск. у.,—23 Февраля.
- 2) Мирской, Новогр. у.,—9 Марта.
- 3) Велико-Слободской, Новогр. у.,—25 Марта.
- и 4) Лаховской, Моз. у.,—24 Февраля.

С О Д Е Р Ж А Н І Е:

Высочайшее повелѣніе.—Опредѣленіе и указы Святыѣшаго Синода.—Распоряженія Епархіальнаго Начальства.—Перемѣны по епархіальной службѣ. Архипастырская благодарность.—Избранія въ составъ церковно-приходскихъ попечительствъ.—Некрологъ. Вѣдомость о количествѣ денегъ, удержан. изъ жалованья духовенства за Мартъ мѣсяць.—Вакантныя мѣста при церквахъ.

Минскія Епархіальныя Вѣдомости.

15 Апрѣля

№ 8.

1905 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

О таинствѣ миропомазанія.

(Окончаніе *).

Формула совершенія таинства миропомазанія въ римской церкви опять иная, чѣмъ въ Православной Церкви. Совершая миропомазаніе, мы, согласно правиламъ (7 и 95) вселенскихъ 2-го и 6-го соборовъ, говоримъ: „Печать дара Духа Святаго“, а католическій бискупъ (какъ и митрополитъ графъ Шембекъ дѣлалъ въ Минскѣ) говоритъ: „Я знаменую тебя знаменіемъ креста и укрѣпляю миромъ спасенія, во имя Отца, и Сына и Св. Духа. Аминь“. Но слова этой формулы не имѣютъ за собою авторитета священной древности христіанской, не обозначаютъ сущности таинства и его внутренняго значенія, состоящихъ въ утвержденіи миропомазуемаго въ благодатныхъ дарахъ Св. Духа. Православная формула таинства „печать дара Духа Святаго“ точнѣе выражаетъ сущность таинства и прямо заимствована изъ словъ апостола: „Извѣстную насъ во Христа, и помазываетъ насъ Богъ, иже и запечатлѣ насъ, и даде обрученіе Духа въ сердца наша“ (2 Кор. I, 21—22).

Наконецъ, къ числу произвольныхъ нововведеній римской церкви въ таинствѣ миропомазанія нужно отнести неизвѣстное въ древней церкви удареніе слегка епископомъ миропомазуемаго по щекѣ со словами: „миръ съ тобою“. Дѣйствіе это католики объясняютъ двояко: во-первыхъ, удареніе бискупомъ помазуемаго означаетъ отеческую нѣжность

---

*) См. № 6 Минск. Епарх. Вѣд. за 1905 г.

къ нему, во-вторыхъ—пріученіе христіанина къ кротости и терпѣнью при перенесеніи разныхъ непріятностей жизни.

Такимъ образомъ, оказывается, что помазывать одно только чело на головѣ, произносить слова при помазаніи; „я знаменую тебя...“ и ударять помазуемаго по щекѣ есть новшества, введенныя римскими папами по своему произволу. Формула: „я знаменую тебя...“ введена въ XV вѣкѣ, а біеніе по щекѣ заимствовано изъ средневѣкового обычая—ударять въ ланиту при посвященіи въ рыцари, въ знакъ непоколебимаго мужества, къ которому послѣдніе обязывались, а это показываетъ, какое достоинство имѣетъ онъ въ христіанствѣ.

Въ Православной Церкви миропомазаніе совершается надъ крещаемыми тотчасъ послѣ крещенія; въ римской же церкви миропомазаніе отлагается до совершеннолѣтія, когда крещенные младенцы достигнуть самосознанія и изучать, по мѣрѣ возможности, христіанскую вѣру. Это отступленіе отъ Православной Церкви, состоящее въ отдѣленіи совершенія таинства миропомазанія отъ таинства крещенія, появилось въ римской церкви не ранѣе XII вѣка, а въ общее употребленіе всей католической церкви вошло еще позднѣе; оно составляетъ неизбѣжное слѣдствіе другого вышеуказаннаго римскаго отступленія, состоящаго въ запрещеніи священникамъ совершать таинство миропомазанія. Въ самомъ дѣлѣ, если миропомазаніе должны совершать только одни епископы, а они не имѣютъ физической возможности, по обширности своей епархіи, всегда и вездѣ присутствовать при совершеніи священниками крещенія, отсюда естественно и по необходимости слѣдовало утверждать, что миропомазаніе должно совершать спустя значительно долгое время послѣ крещенія. Правда, въ оправданіе этого своего обычая католики приводятъ примѣръ крещенія самарянъ (Дѣян. VIII, 14), каковымъ христіанамъ, крещенымъ апостоломъ Филиппомъ, спустя нѣкоторое время посланы были апостолы Петръ и Іоаннъ для ниспосланія на нихъ Св. Духа чрезъ ихъ руковоложеніе, но этотъ примѣръ не оправдываетъ католиковъ: свв. апостолы, какъ только услышали о крещеніи самарянъ, тотчасъ же избрали апостоловъ Петра и Іоанна и послали ихъ въ Самарію, и они преподали имъ Духа Свя-

таго, а католическіе епископы такъ не поступаютъ, а посему и ссылка ихъ на этотъ апостольскій примѣръ является неосновательной, ложной.

Въ римскомъ катихизисѣ говорится, что „приступающіе къ миропомазанію должны знать все, что обыкновенно излагается въ катихизисѣ и что необходимо для ихъ спасенія“. Но въ силу этой логики и этихъ соображеній тѣ же требованія и условія, какія предъявляются по отношенію къ принимающимъ таинство миропомазанія, должны быть предъявлены и по отношенію къ принимающимъ таинство крещенія; между тѣмъ, требованія по отношенію къ послѣднимъ не соблюдаются: въ римской церкви, такъ же, какъ и въ Православной, крестятъ младенцевъ. А если должно крестить младенцевъ по вѣрѣ ихъ родителей и воспріемниковъ, то почему же не должно и помазывать ихъ по той же вѣрѣ родителей и воспріемниковъ? Между тѣмъ, самая благодатная сила таинства миропомазанія и его таинственное значеніе указываютъ на необходимость его и для крещаемыхъ младенцевъ. Въ таинствѣ миропомазанія, какъ извѣстно, сообщаются христіанину духовныя силы, необходимыя для возрастанія и укрѣпленія въ духовной жизни. По своему значенію и дѣйствию эти силы соотвѣтствуютъ необходимымъ условіямъ физической жизни человѣка, каковы—воздухъ, солнечный свѣтъ и пр. Отсюда, какъ при отсутствіи этихъ послѣднихъ условій физической организмъ увядаетъ, такъ точно и безъ даровъ Духа Святаго духовная жизнь въ человѣкѣ можетъ увянуть. Слѣдовательно, поставить новорожденнаго младенца въ условія, необходимыя для возрастанія и укрѣпленія жизни, какъ физической, такъ и духовной, есть дѣло, нетерпящее никакого отлагательства; въ противномъ случаѣ, мы рискуемъ подвергнуть жизнь ребенка опасному вреду.

Такимъ образомъ, въ отношеніи одного только этого таинства мы видимъ, что католическая церковь произвела много измѣненій и нововведеній, именно: она отняла право у священниковъ совершать таинство миропомазанія; лишила младенцевъ таинства миропомазанія; ввела новостъ помазывать только одно чело головы; отмѣнила произносить уста-

повлеченные двумя вселенскими соборами слова: „печать дара Духа Святаго“; ввела новый обычай возлагать на помазуемаго руки и бить его по щекамъ. Все это сдѣлали папы, которые мнятъ себя выше Христовой Церкви, намѣстниками Бога на землѣ, святыми и безгрѣшными въ дѣлахъ вѣры. Много и другихъ новостей ввели они въ свою церковь, вслѣдствіе чего восточная Церковь и отдѣлила отъ себя западную, католическую, папскую церковь. Восточная церковь, какъ и наша русская, осталась при древнемъ установленіи свв. апостоловъ и ученіи свв. отцовъ, а западная осталась съ своимъ папою и его многообразными нововведеніями и измѣненіями. Мы, православные, слѣдуя 48 правилу Лаодик. собора, которое говоритъ: „Подобаетъ просвѣщаемымъ быти помазуемымъ помазаніемъ небеснымъ и быти причастниками царства Божія“, помазуемъ всѣхъ крещенныхъ священниками тотчасъ послѣ совершенія крещенія, будь то младенецъ или взрослый, приходящій изъ иновѣрія, а католики не слушаютъ этого правила и поступаютъ по-своему. У нихъ и младенцы, и взрослые умираютъ безъ таинства св. миропомазанія. Вотъ сейчасъ примѣръ: 38 лѣтъ не было католическаго бискупа въ Минскѣ. Сколько же за это время умерло католиковъ безъ миропомазанія! Цѣлыя тысячи лишились этого дара Божія. А между тѣмъ св. Климентъ, папа римскій, жившій въ концѣ I вѣка, въ 4-мъ своемъ посланіи говоритъ: „всякъ со тщаніемъ да ускоряетъ ко крещенію, по семь же печатлѣнъ бывъ отъ епископа, пріяти иматъ седмичную благодать Св. Духа, зане глаголетъ: безъ сея тайны никто же совершенъ христіанинъ можетъ быти“. Слышите, православные! Безъ таинства миропомазанія крещенный— не совершенный христіанинъ. Значитъ за 38 лѣтъ умерли въ Минскѣ тысячи католиковъ, которые не были совершенными христіанами. И къ нимъ не пріѣзжалъ бискупъ, и сами они не ходили къ нему. И бискупъ не заботился о католикахъ, и сами послѣдніе не искали миропомазанія. Какое же это христіанство! Что это за церковь! Вы видите, какъ первые папы учили; они находили необходимымъ помазывать крещеннаго тотчасъ же по его крещеніи, а нынѣшніе папы римскіе, которые объявили себя безгрѣшными,

учать по другому и опровергаютъ ученіе первыхъ. Кого же слушать? Кто правъ? Первые ли папы правы, которые велѣли совершать по крещеніи миропомазаніе, или послѣдніе, которые отложили миропомазаніе до совершеннаго возраста, а точнѣе до пріѣзда бискупа въ извѣстную мѣстность. Пріѣдетъ бискупъ, и вотъ онъ какъ бы милость оказываетъ своимъ католикамъ, бижмуя ихъ. Въ данный разъ католическій митрополитъ помазывалъ всякій возрастъ—молодыхъ и старыхъ. Были даже за 40—50 лѣтъ отъ роду. Стало бытъ, если бы митрополитъ графъ Шембекъ не пріѣхалъ въ Минскъ, то эти 40—50-лѣтніе католики остались бы безъ бижмованья. Что же это за порядокъ въ церкви?

Православные! Мы стоимъ на твердомъ ученіи св. Христовой Церкви, а католики заблудились отъ пути истиннаго, ввели у себя разныя новшества — новые догматы, обряды, которыхъ не было въ древней Христовой Церкви. Стойте же твердо въ своей истинной вѣрѣ и не слушайте иного ученія, которое проповѣдаютъ враги нашей Православной Церкви.

Минскій Епархіальный Миссіонеръ,
Священникъ **Константинъ Поповъ.**

Западно-русскія православныя братства и предстоящія имъ задачи дѣятельности, въ связи съ вопросомъ о признаніи свободы вѣроисповѣданій ¹⁾.

Ваше Преосвященство!

М.м. г-ни и м.м. г-ри!

Нужно-ли говорить и доказывать, что въ настоящее время мы переживаемъ эпоху важныхъ государственныхъ реформъ. Необходимость и благовременность ихъ провозглашены съ высоты Престола; сознаніе потребности и неотложности ихъ проникло во всѣ слои нашего русскаго общества;

¹⁾ Публичное чтеніе въ покояхъ Его Преосвященства 27-го марта 1905 года.

усиленная разработка ихъ уже идетъ въ нашихъ высшихъ правительственныхъ сферахъ и къ участию въ ней волею нашего Самодержца приглашаются народные представители. Эти реформы, повидимому, не только коснутся по возможности всѣхъ сторонъ нашей сложной общественной жизни, но и въ нѣкоторыхъ случаяхъ затронуть ее очень и очень глубоко. Моментъ для нашего государства, особенно въ связи съ печальными событiями на Дальнемъ Востоку, безъ сомнѣнiя, важный, историческiй, и къ бiенiю пульса современной нашей общественной и государственной жизни не можетъ особенно чутко не прислушиваться умъ и сердце каждаго истинно-русскаго челоуѣка, съ свѣтлой-ли надеждой на лучшее будущее, или съ тяжелой тревогой за него. Не можетъ, конечно, оставаться безучастнымъ зрителемъ совершающихся судебъ въ жизни нашего русскаго государства и наше православно-русское общество, и это тѣмъ болѣе, что въ ряду Высочайшею волею предначертанныхъ къ усовершенствованiю нашего государственнаго порядка преобразованiй есть такiя, которыя должны будутъ имѣть для нашего западно-русскаго края особенное значенiе. Я разумѣю здѣсь прежде всего вопросъ о признанiи свободы вѣроисповѣданiй.

Ни для кого, я думаю, въ настоящее время не секретъ, что мы, быть можетъ, находимся наканунѣ объявленiя полной свободы вѣроисповѣданiй. Законы, до сихъ поръ ограждавшiе православiе и ставившiе въ той или иной мѣрѣ въ этихъ цѣляхъ извѣстные предѣлы всякимъ инымъ вѣрамъ и инымъ мнѣнiямъ, теперь, нужно думать, будутъ совсѣмъ отмѣнены, и всякая вѣра, всякое мнѣнiе, хотя бы и совсѣмъ враждебныя православию, получать право не только существовать наряду съ православиемъ, чего они, впрочемъ, не лишены и теперь, но, главное, открыто себя исповѣдывать, и всякiй будетъ воленъ имъ слѣдовать, не боясь уже никакой отвѣтственности предъ закономъ.

Нужно-ли много говорить о томъ громадномъ значенiи, какое должно будетъ имѣть законодательный актъ о признанiи полной свободы вѣроисповѣданiй для нашей православно-

русской Церкви, послѣ столѣтій мирнаго пребыванія ея подь особой защитой закона, подь крѣпкой стѣной государственной охраны. Всю громадную важность этого законодательнаго акта для нея въ настоящее время мы даже едва ли можемъ и обнять во всей ея полнотѣ и опредѣленности. Несомнѣнно, что положеніе и жизнь нашей православной Церкви подь вліяніемъ этого закона должны будутъ измѣниться самымъ существеннымъ и кореннымъ образомъ.

Вопросъ объ отношеніи къ иновѣрнымъ и инославнымъ исповѣданіямъ имѣетъ глубокое жизненное значеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ, при его сложности и многосторонности, это вѣковой вопросъ нашей исторіи. Но какъ бы сложенъ и многостороненъ онъ ни былъ, какія бы разнообразныя сужденія и мнѣнія, примѣнительно къ запросамъ и потребностямъ времени и жизни, въ рѣшеніи его ни высказывались, въ разсужденіи свободы вѣроисповѣданій, съ идеально-христіанской точки зрѣнія онъ можетъ быть рѣшенъ исключительно только въ положительномъ смыслѣ и значеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что сознаніе Церковію своей безусловной истины и высшей цѣльи—духовнаго объединенія всѣхъ людей—налагаетъ на нее обязанность распространять эту божественную истину среди всѣхъ людей и даетъ ей право на постепенное искорененіе ложныхъ исповѣданій. Но при распространеніи и праповѣданіи слова Божія приходится имѣть дѣло съ живыми личностями, носителями ложныхъ исповѣданій. Понятно, что отношеніе къ нимъ Церкви можетъ установить только, и исключительно только, та заповѣдь Спасителя которая является царскимъ закономъ, духомъ и основой христіанской религіи—заповѣдь о всепрощающей любви, кротости, милосердіи, любви ко всѣмъ безъ различія людямъ, даже врагамъ (Мтѣ. V, 44). Если любовь, по заповѣди Спасителя, должна лежать въ основаніи нашихъ отношеній ко всѣмъ людямъ, независимо отъ вѣроисповѣдныхъ ихъ различій, то очевидно эту заповѣдь, выражающую самый духъ христіанства, мы и должны признать тѣмъ основнымъ существеннымъ принципомъ, которымъ необходимо должна руководствоваться Церковь въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ исповѣданіямъ. Естественно, что этотъ принципъ, при

распространеніи и проповѣданіи Церковію слова Божія, исключаетъ прежде всего принудительный характеръ христіанской проповѣди. Любовь состоитъ въ утвержденіи права другого лица, какъ свободной личности, и по отношенію къ проповѣди. Священнымъ правомъ каждаго человѣка являются его религіозныя убѣжденія, и потому всякое принужденіе, всякое насиліе надъ этимъ правомъ, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, противно закону любви. Когда апостолы Іаковъ и Іоаннъ просили у Спасителя позволенія низвести съ неба огонь на непокорное самарійское селеніе, то Спаситель „запрети имъ и рече: не вѣста, коего духа еста, вы“ (Лук. IX 54-55). Поэтому христіанская Церковь, чтобы быть вѣрной этому завѣту Спасителя, не должна стѣснять ни прямо, ни косвенно чуждыхъ ей исповѣданій, силою навязывать другимъ христіанство; она должна заботиться, о распространеніи христіанства, но также заботиться, чтобы дѣло принятія другими христіанства было сознательнымъ и не принужденнымъ. И потому проповѣдь только тогда носить христіанскій характеръ, когда она направлена всецѣло къ тому, чтобы человѣкъ свободно т. е. вполнѣ сознательно и искренно отказался отъ своихъ прежнихъ религіозныхъ убѣжденій, призналъ ихъ ложными и также сознательно сдѣлался исповѣдникомъ новой религіи. Само собою разумѣется, что средствомъ къ тому является не насиліе, не принужденіе, прямое-ли то или косвенное, не стѣсненіе свободы исповѣдающа, а слово любви и главнымъ образомъ дѣло любви. Только слово и дѣло любви могутъ могущественно повліять на духовный строй человѣка и на его религіозныя убѣжденія. Но, сама чуждаясь въ какой-бы то ни было формѣ насилія, Церковь въ правѣ требовать и отъ другихъ уваженія къ себѣ. Пренебреженіе, явное поруганіе надъ Церковію (исходитъ-ли оно отъ людей внѣшнихъ для Церкви, или ея недостойныхъ членовъ—безразлично) не можетъ не возмущать религіознаго чувства христіанина; фанатизмъ насилуетъ это чувство. И потому при встрѣчѣ съ этими явленіями Церковь можетъ не оставаться беззащитною, если ея духовное оружіе оказывается недѣйствительнымъ. Въ такомъ случаѣ, и только въ такомъ, Церковь имѣетъ

право прибѣгнуть къ помощи внѣшней силы, конечно, если эта внѣшняя сила государства стоитъ въ союзѣ съ Церковію. Такимъ образомъ, внѣшняя сила можетъ являться для Церкви только охраною отъ поруганія ея святыни, защитою отъ фанатиковъ, но она ни въ какомъ случаѣ и ни въ какой формѣ не можетъ переходить въ средство для распространенія христіанства и искорененія лжеученій, что противорѣчило бы высокому завѣту евангельской любви ¹⁾.

Понятно, отсюда, что предстоящее признаніе у насъ свободы вѣроисповѣданій не можетъ быть не привѣтствовано съ чувствомъ самой живой и сердечной радости всеми истинными сынами православной Христовой Церкви, истинными ревнителями ея чистоты и святости. Оно не только будетъ высокимъ актомъ величайшей государственной справедливости по отношенію къ значительной части гражданъ земли русской, но, что самое главное, для самой нашей православной Церкви будетъ имѣть великое благотворное значеніе, какъ залогъ будущаго ея вѣщаго духовнаго процвѣтанія, торжества и побѣды въ семь мѣрѣ. Вотъ предъ нами по поводу этого на дняхъ оповѣстившій всю православную мыслящую Россію голосъ пастырей города С.-Петербурга, къ которому, я не сомнѣваюсь, не откажется присоединиться ни одинъ истинно-православный христіанинъ: „Державною волею, говоритъ столичное духовенство на страницахъ академическаго органа, предрѣшено открыть недостававшій просторъ для свободнаго проявленія религіозной жизни, какъ тѣхъ гражданъ Россійской имперіи, которые чужды свѣту христіанства, такъ и тѣхъ, которые восприняли этотъ свѣтъ внѣ чистаго отраженія его въ единой Церкви Христовой, или отпали и отложились отъ нея по малозначительнымъ обрядовымъ недоразумѣніямъ. Предстоящее освобожденіе религіозной совѣсти отъ внѣшнихъ стѣсненій, ставящихъ извѣстные предѣлы инозѣрію, инославію и старообрядчеству въ огражденіе господствующей Церкви, не можетъ не быть привѣтствуемо во всей полнотѣ духовной

¹⁾ Вѣра и Церковь 1904 г. кн. 9-я: „Вопросъ о свободѣ совѣсти при свѣтѣ ново-завѣтнаго откровенія“.

радости истинными сынами православной Церкви, истинными ревнителями чистоты ея и святости. Въ сердцахъ ихъ всегда живы были слова апостола: „*Кто ты, судящій чужого раба? Предъ своимъ Господомъ стоитъ онъ или падаетъ; и будетъ возставленъ, ибо силенъ Богъ возставить его*“. (Римл. XIV, 4) Эта духовная радость усугубляется отъ сознанія, что чрезъ обѣщаемое освобожденіе совѣсти, „чужихъ рабовъ“ съ самой православной Церкви снимается тяжелое, обезоруживавшее ее въ словѣ и въ дѣлѣ нареканіе, выставлявшее ее виновницей насилій и гнета, которые производились подъ предлогомъ ея защиты, но не ею измышлены и по существу противны духу ея. Только по окончательномъ устраненіи всѣхъ поводовъ къ столь долго принижавшему нашу православную Церковь нареканію можетъ приобрести или возстановить она „*доброе свидѣтельство отъ вѣншихъ*“ (1 Тим. III, 7) и стать иредъ вѣншимъ міромъ во всей полнотѣ и яркости принадлежащаго ей свѣта“¹⁾.

Но среди этихъ высокихъ и свѣтлыхъ надеждъ и упованій на лучшія будущія судьбы нашей православной Церкви нельзя пройти молчаніемъ и тяжелыхъ тревогъ и опасеній... но не за Церковь Христову. Нѣтъ, она „Церковь Бога жива... столпъ и утвержденіе истины... и врата адава не одолѣютъ ея“, а за самихъ себя—ея чадъ.

Мы уже говорили, что признаніе свободы вѣроисповѣданій должно будетъ самымъ существеннымъ и кореннымъ образомъ измѣнить жизнь и положеніе нашей православной Церкви. Да, „противникамъ Церкви, говорилъ на дняхъ въ своей рѣчи къ студентамъ С.-Петербургской духовной академіи преосвященный ея ректоръ, епископъ Сергій, теперь (послѣ объявленія свободы вѣроисповѣданій) развяжутся руки и они, несомнѣнно, поднимутъ голову и поведутъ усиленную и открытую борьбу, всѣми средствами подкапывая основы православія и стараясь отторгнуть отъ него возможно болѣе людей. Въ духовной жизни нашего отечества отъ этого необходимо ожидать великихъ потрясеній и перемѣнъ и положеніе нашей православной Церкви должно

¹⁾ Церк. Вѣст. 1905 г. № 11 ст. 321.

измѣниться самымъ существеннымъ образомъ. Послѣ столѣтій мирнаго пребыванія подъ защитой закона, за крѣпкой стѣнной государственной охраны наша Церковь выходитъ теперь, беззащитная и неприкрытая ничѣмъ, прямо на поле брани, подъ удары враговъ“¹⁾. Готовы-ли мы, естественно теперь спросить, вступить въ эти новыя условія жизни нашей православной Церкви? Готовы-ли мы къ этой предстоящей брани ея съ враждебными ей ученіями и мнѣніями? Съ какимъ запасомъ духовныхъ силъ и средствъ мы выйдемъ на эту брань? Устоимъ-ли мы въ ней, сохранимъ-ли свое самое святое достояніе—православную христіанскую вѣру, или безславно падемъ на полѣ ея, безславно погибнемъ въ водоворотѣ всемірнаго соблазна? А мы особенно, люди интеллигенціи, люди по своимъ духовнымъ дарованіямъ стоящіе выше толпы, люди, власть имущіе? Что дадимъ мы тѣмъ „малымъ симъ“, которые живутъ въ простотѣ дѣтской сердечной вѣры? Чѣмъ оградимъ эту дѣтскую наивную вѣру ихъ среди бушующаго кругомъ соблазна? „Готовы-ли мы къ предстоящему великому дню? говорилъ далѣе въ вышеприведенной рѣчи къ студентамъ С.-Петербургской академіи преосвященный епископъ Сергій. Въ мирное время и деревянное оружіе годится на показъ, и картонная стѣна, лишь бы она была внушительна на видъ, можетъ показаться надежной защитой. Въ мирное время и всякій, кто идетъ увѣренной поступью и грудью впередъ, можетъ сойти за героя и побѣдителя. Но не такимъ все это окажется на полѣ брани, когда уже не воображаемая, а дѣйствительная смерть смотритъ въ глаза, когда дѣйствительный непріятель наноситъ свои губительные удары. Такъ и у насъ: охранительный законъ, ограждающій немощныя души отъ соблазна лжеученій, многое съ насъ снимаетъ. Мы, можетъ быть, теперь и не представляемъ, насколько велика сила соблазна и насколько дѣйствительны средства, которыя мы предлагаемъ въ защиту православія. Теперь и мишура кажется чѣмъ-то серьезнымъ, и безпечное легкомысліе въ церковномъ дѣлѣ и служеніи—неопаснымъ. Тогда же потребуютъ отъ насъ

1) Цер. Вѣст. 1905 г. № 8, стр. 230.

уже не красивыхъ фразъ, не заученныхъ силлогизмовъ, не пестраго наряда показной учености, отъ насъ потребуютъ тогда духа и жизни, потребуютъ вѣры и пламенной ревности, проникновенности духомъ Христовымъ, привычки къ жизни по Христу, настоящей православной учености, настоящаго опытнаго познанія христіанства,—потребуютъ, чтобы мы писали не чернилами, да еще заимствованными, можетъ быть, изъ чужихъ чернильницъ, а кровію изъ нашей собственной груди. Отвѣтимъ ли мы на эти запросы, выдержимъ ли это огненное искушеніе, устоимъ ли на этомъ поистинѣ страшномъ судѣ?“

Но что сказать послѣ этого о нашемъ западно-русскомъ краѣ? Если гдѣ, то именно здѣсь эти тревожныя опасенія должны имѣть для себя сугубое значеніе. Если гдѣ, то именно здѣсь главнымъ образомъ, выражаясь словами преосвященнаго епископа Сергія, „противникамъ Церкви развяжутся руки и они, несомнѣнно, поднимутъ голову и поведутъ усиленную и открытую борьбу, всѣми средствами подкапывая основы православія и стараясь отторгнуть отъ него возможно болѣе людей.“ А потому, если гдѣ, то именно здѣсь вопросъ: готовы-ли мы, члены нашей святой православной Церкви, вступить въ тѣ новыя условія жизни, въ которыя она будетъ свободой вѣроисповѣданій въ нашемъ западно-русскомъ краѣ поставлена? долженъ получить особую для себя силу и значеніе..

Историческія судьбы и положеніе православной Церкви въ нашемъ западно-русскомъ краѣ слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы нужно было много говорить о нихъ для уясненія сказаннаго. Нашъ край искони русскій и православной край. Подвигами и трудами нашихъ первыхъ князей, устроителей и собирателей земли русской, въ немъ насаждены были начатки гражданскаго строя и порядка и посѣяны сѣмена святой православной Христовой вѣры. Съ самаго начала исторической жизни нашего государства онъ жилъ въ тѣсной связи и единеніи со всей русской землей. Но ударилъ страшный часъ его исторической жизни, насталъ тяжелый день испытанія. Католическая Польша предъявила на нашъ край свои незаконныя права и, опираясь на свою

силу, повела открытую кровавою борьбу для искоренія въ немъ всего православнаго и всего русскаго и для насажденія здѣсь полонизма и католичества. Нужно-ли воспроизводить, вѣроятно каждому съ дѣтства извѣстную, тяжелую историческую драму вѣковой неравной борьбы нашего края за свое самое дорогое и родное достояніе—православную вѣру и русскую національность противъ окатоличенія и ополяченія его? Но вотъ день тяжелаго испытанія для нашего края кончился, заблесталъ для него лучъ свѣтлой надежды на лучшее будущее, скоро перепедшій въ дѣйствительность. Въ концѣ XVIII столѣтія нашъ край, исконное русское достояніе, былъ снова присоединенъ къ Россіи и снова возвратился въ прежній союзъ и единеніе со всей русской землей. Съ этого времени западно-русская православная Церковь вступила подъ крѣпкую охрану закона. Много было сдѣлано съ того времени для возрожденія нашего края къ прежней его православно-русской жизни: православная вѣра и русская національность приобрѣли здѣсь принадлежащее имъ исторически господствующее положеніе; насиліемъ отторгнутые отъ православія получили возможность снова возвратиться въ лоно православной Церкви; православная вѣра перестала быть „хлопской“; а простой православный русскій народъ— „быдломъ“. Болѣе столѣтія продолжается мирное развитіе православной Церкви въ нашемъ краѣ подъ крѣпкой защитой ограждающаго ее отъ католичества закона. И вотъ теперь, въ виду признанья свободы вѣроисповѣданій, законы, до сихъ поръ ограждавшіе православіе и полагавшіе извѣстные предѣлы католичеству, нужно думать, будутъ отмѣнены и послѣднее получить полную свободу для своего развитія и распространенія. Дни мирной жизни для нашей православной Церкви подъ сѣнію ограждающаго ее закона прекратятся и наша православная Церковь должна будетъ снова вступить на путь открытой борьбы противъ воинствующаго католичества за свое существованіе, за свою вѣчную правду и истину.

Привѣтствуя съ чувствомъ самой живой и сердечной радости предстоящее освобожденіе религіозной совѣсти отъ внѣшнихъ стѣсненій, ставящихъ извѣстные предѣлы ино-

вѣрю и инославію, истинные сыны православной Церкви не могутъ съ тою же радостію не привѣтствовать и надвигающуюся на нее духовную брань, какъ залогъ ея будущаго торжества и побѣды. Я позволю себѣ въ данномъ случаѣ привести прекрасныя слова преосвященнаго епископа Сергія изъ вышеуказанной его рѣчи: „Христіане первыхъ вѣковъ, говорить онъ, отнюдь не содрагались предъ грядущими ужасами и не просили Бога отдалить отъ нихъ страшный часъ испытанія,—наоборотъ, они продолжали молиться: *„Ей гряди, Господи Іисусе!“* (Апок. XXII, 20). Они помнили слово Евангелія: *Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю, не миръ пришелъ Я принести, но мечъ. Огонь пришелъ Я воврещи на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся“* (Мѣ X, 34; Лук. XII, 49). Какъ вѣрные рабы Христовы и преданные Ему воины, первые христіане всею душою откликнулись на это желаніе своего возлюбленнаго Учителя и, съ радостной готовностію все претерпѣть и выстрадать ради Него, горѣли нетерпѣніемъ увидѣть начало Его великой и послѣдней брани съ царствомъ грѣха и діавола. Они желали и сами принять участіе въ этой борьбѣ и спѣшили принести Христу всѣ свои силы и способности, всю свою вѣру и любовь, всю жизнь, чтобы чѣмъ-нибудь и съ своей стороны послужить торжеству царства истины и свѣта. Такъ истинный воинъ-герой, сильный и мужественный, не боится приближенія враговъ, его веселитъ шумъ битвы и онъ бодро и радостно устремляется туда, гдѣ его доблесть найдеть себѣ пищу и приложеніе. *„Побѣждающій наследуетъ все, и буду ему Богомъ, и онъ будетъ мнѣ сыномъ. Боязливыхъ же и невѣрныхъ и всѣхъ лжецовъ—участъ въ озерѣ горящемъ огнемъ и сѣрою“* (Апок. XXI, 7—8). Такъ же радостно и бодро, съ такой же увѣренностію въ побѣдѣ и съ такой же готовностію принести Христу и Его Церкви всѣ свои силы и способности, должны ожидать и сыны православной русской Церкви грядущее на нее испытаніе. Ей гряди, Господи Іисусе! Да возгорится и у насъ на Руси твой очистительный и освящающій огонь, да откроется и у насъ Твоя великая брань! Въ этомъ начало истинной церковной жизни, путь къ исцѣленію нашихъ церковныхъ нестроеній и язвъ, путь

къ конечной побѣдѣ и торжеству свѣта надъ тьмой, истины надъ заблужденіемъ“¹⁾.

Но съ чѣмъ, съ какимъ запасомъ духовныхъ силъ мы выступимъ на борьбу съ католичествомъ? Накопили-ли мы ихъ во время нашей столѣтней мирной жизни подъ крѣпкой охраной государственнаго закона? А если мы ихъ найдемъ достаточно въ себѣ, то что соединить ихъ во единый могучій, крѣпкій оплотъ, который создастъ ту несокрушимую духовную стѣну, о которую разобьются всѣ козни и ухищренія враговъ святой православной Церкви? „Помянухъ дни древнія и поучихся“ (Псал. СХІІ, 5), можно сказать въ данномъ случаѣ словами псалмопѣвца. Не въ первый разъ наша православная западно-русская Церковь выходитъ на распутье открытой духовной борьбы за свое существованіе, за свою вѣчную правду и истину. За нею стоитъ въ этомъ отношеніи великій вѣковой историческій опытъ. Тамъ, въ ея прошлой вѣковой борьбѣ за свое существованіе, борьбѣ, обнаружившей всю ея духовную силу и мощь, давшая несокрушимый отпоръ всѣмъ кознямъ ея враговъ, мы и должны искать для себя отвѣта на современные тревожные запросы нашей церковной жизни. Гдѣ и въ чемъ была сила и мощь нашей западно-русской православной Церкви въ ея тяжелой кровавой борьбѣ съ католичествомъ? Что вызывало, вдохновляло и объединяло всѣ ея духовныя силы въ этой борьбѣ и создавало тотъ несокрушимый отлотъ, о который разбивались всѣ козни и ухищренія ея враговъ? Я отвѣчу на этотъ вопросъ только однимъ словомъ: **въ братствахъ.**

А. Товаровъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Церк. Вѣст. 1905 г. № 8, стр. 230—231.

Ученіе Фридриха Ницше о цѣнности жизни въ связи съ общимъ его міровоззрѣніемъ.

(Окончаніе*).

Міросозерцаніе Ницше мы назвали выше философіей отрицанія; но такая характеристика этой философіи не совсемъ полна: она соотвѣтствуетъ лишь внѣшнему фону философіи Ницше; по внутреннему же характеру или по сущности эта философія представляетъ собою анархію мысли. Постараемся уяснить это обстоятельнѣе. Когда читаешь Ницше, то невольно замѣчаешь, что мысль этого человѣка переживаетъ какую то странную, тяжелую агонію, какъ будто она потеряла настоящий ходъ свой; она знаетъ лишь только одинъ ходъ—разрушеніе, не будучи въ силахъ сосредоточиться на чемъ-либо положительномъ. А вѣдь такой ходъ развитія мысли обнаруживаетъ лишь ея банкротство, потому что разъ она не создаетъ чего либо положительнаго, она тѣмъ самымъ подписываетъ себѣ смертный приговоръ: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, жить среди развалинъ.—А ученіе о сверхчеловѣкѣ, замѣтите вы, развѣ это не положительная работа мысли Ницше? По нашему мнѣнію, не положительная: внѣшнимъ образомъ ее, пожалуй, и можно назвать положительною, такъ какъ она, повидимому, стремится создать что-то; но, вникая въ это положительное *что-то*, мы, какъ это будетъ показано ниже, не найдемъ въ немъ такого характера.

Чѣмъ же и какъ же можно объяснить этотъ философскій анархизмъ? Мнѣ думается, его можно объяснить только исторически, т. е. вникнувъ въ ходъ развитія человѣческой мысли послѣднихъ вѣковъ.—Въ средніе вѣка, какъ извѣстно, мысль человѣческая, запуганная застѣнками и разными удивительными изобрѣтеніями инквизиціи, пряталось въ уединенныхъ кабинетахъ отдѣльныхъ мыслителей; потомъ она начинаетъ постепенно выходить на свѣтъ Божій; начинается критическое отношеніе прежде всего къ религіи и ея несокрушимымъ догмамъ; отбрасывается излишняя обрядность и появляются первые проблески свободы. Заслуга въ

*) См. Минск. Еп. Вѣд. 1905 г. № 7.

такомъ ходѣ вещей принадлежить такъ называемымъ гуманистамъ.

Выпущенная на свободу, мысль теперь начинаетъ все шире развиваться и при этомъ постепенно увеличивается поле ея дѣятельности: дѣло отбрасыванья отъ религіи всего излишняго пошло теперь быстро; разрушеніе, коснувшисъ обрядности религіозной, на этомъ не остановилось; начали теперь подвергать критикѣ и основы религіи, и, къ сожалѣнію, мысль при этомъ впадаетъ въ другую крайность, а именно: въ результатъ такой вѣковой работы мысли было, по сильному выраженію Ницше, „убіеніе Бога“. Высшее существо истекло кровью и человѣкъ остался лицомъ къ лицу съ одной природой. Прежде жизнь имѣла глубокой смыслъ—религіозно-нравственный. Теперь этого смысла не стало; является вопросъ: чѣмъ же жить, да и стоитъ ли жить; есть ли въ жизни какая нибудь цѣнность? Одни во главѣ съ Шопенгауэромъ прокричали, что жизнь пустая и глупая шутка, другіе, какъ на примѣръ, тотъ же Ницше, заговорили о высокой цѣнности жизни, кроющейся въ ней самой. Пусть убить Богъ, жизнь отъ этого ничего не потеряетъ, говорятъ они. Но вѣдь это были одни слова; а въ дѣйствительности жизнь была не особенно красна. Тогда надо же какъ нибудь скрасить ее? И вотъ находятся люди, какъ Ницше, стараются всѣми силами скрасить жизнь; мысль его ищетъ красокъ жизни и, не находя ихъ нигдѣ, думаетъ найти ихъ на пути разрушенія всего, что считалось самымъ дорогимъ достояніемъ человѣчества. И какъ результатъ этой работы—какой-то болѣзненный анархизмъ мысли, мысли, оказавшейся безсильной создать какую-либо положительную цѣнность жизни.

Послѣ такихъ общихъ замѣчаній о философіи Ницше, мы остановимся на отдѣльныхъ ея положеніяхъ.

Прежде всего мы рассмотримъ его ученіе о цѣнности жизни. Ницше въ ученіи о жизни, какъ и во всей своей философіи, является очень догматичнымъ. Онъ высказываетъ тѣ или инныя положенія, не заботясь о томъ, чтобы обстоятельно раскрыть ихъ, или доказать. У него не встрѣтимъ такого раскрытія идей и ихъ аргументацій, какъ на примѣръ у Канта, Шопенгауэра и др. И при всемъ томъ онъ чита-

ется съ большимъ интересомъ, потому что его положенія, заключенныя въ блестящую афористическую форму, тѣмъ самымъ лишены сухости изложенія, между тѣмъ какъ логически стройныя системы др. философовъ, не облеченныя въ звучную форму и подходящія къ раскрытію идей путемъ долгихъ обслѣдованій, требуютъ большого напряженія со стороны читателей, по большей части не подготовленныхъ къ такому труду; а потому такія системы, при всемъ ихъ достоинствѣ, мало читаются средней публикой.

Въ ученіи о жизни Ницше, какъ мы замѣтили выше, является оптимистомъ. Жить стоитъ—вотъ его главное положеніе. Но вы напрасно бѣ старались узнать у него, да чѣмъ же собственно хороша жизнь, гдѣ ея цѣнность; этихъ разъясненій у него нѣтъ, а потому пытливый умъ остается неудовлетвореннымъ. Правда, Ницше говоритъ, что сама жизнь открыла ему свою цѣнность, именно, что „золото блеститъ въ ея очахъ“, но вѣдь если Ницше видѣлъ это золото, то другіе сплошь и рядомъ не видятъ его; наоборотъ, однѣ тяжелыя страданія выпадаютъ въ удѣлъ нѣкоторымъ. Чѣмъ же докажетъ Ницше этимъ послѣднимъ высокую цѣнность жизни? и что онъ можетъ отвѣтить имъ, когда они вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ скажутъ ему напимѣръ такъ: „Если взвѣситъ телѣсныя мученія, которымъ подвержено человѣческое существованіе, если представитъ себѣ госпитали, лазареты, хирургическіе операціонные залы, застѣнки, тюрьмы, стойла для рабовъ и т. д., то міръ является адомъ, исполненнымъ всѣми матеріалами, которые Дантъ употреблялъ для изображенія своего ада, между тѣмъ, какъ для изображенія рая этотъ міръ вовсе не могъ дать ему матеріала“ (К. Фишеръ. „Артуръ Шопенгауэръ“ с. 384). Голословность Ницше заставляетъ насъ поставить вопросъ надъ всѣмъ его оптимизмомъ.

А между тѣмъ такая голословность является у него во всѣхъ его положеніяхъ, и даже при рѣшеніи такого важнаго вопроса, какъ религіозный.

Ницше не объясняетъ намъ, на какихъ основаніяхъ Бога надо считать выдумкой людскою; онъ просто говоритъ, что человѣкъ не можетъ перенести Того, Кто видитъ и

знаетъ все, т. е. перенести Бога, и поэтому, по Ницше, въ настоящее время происходитъ великое и страшное дѣло „убіенія Бога“. Но позволительно будетъ спросить, да дѣйствительно ли теперь Богъ убитъ и уже слышится запахъ его гніенія, по выраженію Ницше? Для рѣшенія этого вопроса нужно нѣсколько присмотрѣться къ окружающему насъ обществу. Это послѣднее можно раздѣлить на три части: а) людей темныхъ, невѣжественныхъ, б) людей образованныхъ, хоть нѣсколько, и в) людей ученыхъ. По своему религіозному состоянію, эти группы представляютъ такое различіе: люди непросвѣщенные всѣ вѣрятъ въ Бога, хотя и представляютъ его по своему; люди, такъ называемые, образованные въ большинствѣ тоже не утѣрили этой вѣры; что же касается людей ученыхъ, то изъ нихъ лишь тѣ утѣрили эту вѣру, которые занимаются естествознаніемъ, да и то не всѣ. Какъ же, спрашивается, эти ученые доказали, что Бога нѣтъ? Да они вовсе и не старались доказывать; они лишь отодвинули отъ себя въ сторону этотъ вопросъ, заявивъ напередъ и прямолинейно, что они ничего не знаютъ и не будутъ знать касательно этого вопроса. Ignoramus et igno-
bimus, сказалъ Ду-буа-Реймондъ относительно всего психическаго строя человѣка и соединенныхъ съ этимъ строемъ высшихъ вопросовъ, напр. о Богѣ. Но вѣдь уклоненіе отъ вопроса не есть еще отрицаніе его, а тѣмъ болѣе рѣшеніе. Вотъ почему вопросъ о Богѣ снятъ лишь, какъ говорится, съ очереди у этихъ ученыхъ, но вовсе не зачеркнуть. А это значить, въ свою очередь, что никакого убіенія Бога, какъ думаетъ Ницше, вовсе не было.

Затѣмъ посмотримъ на дѣло убіенія Бога самимъ Ницше. Правда ли, убилъ ли самъ то онъ Бога? Повидимому, въ этомъ мы не можемъ сомнѣваться, помня его слова о необходимости смерти Бога. Но я приглашаю васъ, вдуматься нѣсколько въ слова его объ убіеніи Бога, особенно въ слова того безумнаго человѣка, который съ фонаремъ, среди бѣла дня, выбѣжалъ на улицу и кричалъ: мы убили Бога. Картина эта дѣйствительно потрясающая. Получается такое впечатлѣніе, что солнце навсегда померкло и земля быстро летитъ въ пропасть. Но вѣдь если Богъ есть пустая выдумка,

то къ чему же всѣ эти ужасы? вѣдь стоило бы спокойно и просто отбросить вѣру въ Него, забыть Его, какъ забываютъ изношенную перчатку! Въ томъ то и дѣло, что есть громадная разница между отбрасываньемъ ненужной, изношенной перчатки и отрицаніемъ Бога; въ первомъ случаѣ (съ перчаткой) человѣкъ дѣйствительно увѣренъ, что перчатка ненужна, поэтому она заброшена и *нѣтъ ея*; между тѣмъ какъ во второмъ случаѣ никто не увѣренъ (даже Ницше, хотя онъ самъ и увѣряетъ), что *нѣтъ Его*, Бога.— Затѣмъ странно въ самомъ дѣлѣ, многіе и давно уже старались убить Бога, но человѣчество всетаки вѣритъ въ Бога, толкуетъ о Немъ. Да почему же это такъ? что за странная и страшная иронія жизни! Бога нѣтъ, и вдругъ почему то нужно Его отрицать, да еще съ пѣной у рта!—Тотъ фактъ, что мысль человѣческая всегда была прикована къ Богу, невольно заставляетъ призадуматься и хоть сколько нибудь объяснить себѣ, почему же это такъ бывало и есть? Мнѣ думается уяснить это можетъ только сама природа человѣческой личности.

Въ природѣ человѣческой личности мы замѣчаемъ, какъ несомнѣнно данныя, слѣдующія явленія. Съ одной стороны человѣкъ сознаетъ себя (и это дѣйствительно такъ и есть) какъ обыкновенную вещь міра, подчиненную съ необходимостью всѣмъ законамъ природы; съ другой стороны человѣкъ въ каждый моментъ своего бытія сознаетъ, что онъ не есть только простая вещь міра, что онъ *долженъ быть лучше, выше этого міра*; отсюда въ природѣ человѣческой личности существуетъ роковое противорѣчіе между его наличнымъ бытіемъ и тѣмъ, *чѣмъ бы онъ могъ быть*, между его реальной и идеальной природой. Никто, конечно, не будетъ отрицать того, что въ человѣкѣ живетъ всегда какой-то идеалъ; сознание каждаго говоритъ ему, что онъ долженъ быть не тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ, и это же сознание каждый мигъ говоритъ ему, что идеальныя потребности въ наличной дѣйствительности никогда не выполнимы и не осуществимы. Тогда, спрашивается, къ чему же это роковое противорѣчіе? и что это за загадка такая—природа человѣка? На этотъ вопросъ я позволю себѣ отвѣтить тоже

вопросомъ, только нѣсколько иного характера: не есть ли эта вѣчно недостижимая идеальная природа человѣческая— *живое* отображеніе и *живой отпечатокъ* другой *живой*, совершенно идеальной природы высшаго существа, уже чуждой нашего рокового противорѣчія? Отвѣтите собѣ на этотъ вопросъ вдумчиво, я же лишь, обращаясь опять къ Ницше, добавлю, что только такимъ образомъ можно объяснить себѣ, почему такъ болзна операція убіенія Бога; убивая Бога, человѣкъ убиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свою идеальную природу, какъ живой образъ Бога, иначе говоря, этимъ онъ убиваетъ себя самого; въ противномъ случаѣ незачѣмъ ему, при убіеніи Бога, самому-то корчиться въ страшныхъ судорогахъ и выбѣгать въ безумномъ состояніи на улицу, съ фонаремъ среди бѣла дня. Изъ ученія Ницше объ убіеніи Бога и сверхчеловѣкѣ можно сдѣлать только одинъ выводъ; современное интеллигентное общество (не все впрочемъ) забываетъ Бога, или, по образному выраженію Ницше, убиваетъ Его. Но это забвеніе не есть еще *дѣйствительное* убіеніе Бога, а только уродливое явленіе въ современной жизни человѣчества. А что это дѣйствительно такъ, нужно внимательно всмотрѣться въ сверхчеловѣка Ницше. Этотъ сверхчеловѣкъ говоритъ о томъ, что для Ницше жизнь съ ея идеалами была тѣсна, что природа его порывалась изъ этой душевной темницы; правда, это стремленіе стать выше той жизни, какая дана человѣку въ удѣлъ, вылилось у него въ уродливое ученіе о сверхчеловѣкѣ. Но намъ важенъ самый фактъ *недовольства жизнью безъ Бога*, фактъ, громко говорящій о томъ, что природа человѣческая не можетъ жить безъ Бога, что она задохнется безъ Него въ одной тѣсной темницѣ земной жизни. Словомъ ученіе Ницше о сверхчеловѣкѣ служитъ хорошимъ показателемъ того, что человѣчество, отвергнувшее и потерявшее Бога, *должно снова искать Его*.

Теперь, что касается разрушенія Ф-хомъ Ницше всякаго историческаго достоянія человѣчества и въ частности, то объ этомъ я считаю излишнимъ говорить, потому что это ученіе Н. тоже голословно; я перейду прямо къ разбору положительной части его философіи, т. е. къ его ученію о сверхчеловѣкѣ.

Мы знаемъ уже, что ницшеанскій сверхчеловѣкъ есть могучее существо физически и въ высшей степени самолюбивое, эгоистичное и властолюбивое въ психическомъ отношеніи. Что касается его могучей физической организаціи, то едва ли есть здѣсь что-либо завидное, наиболѣе желательное для людей: вѣдь и дикарей мы не иначе себѣ представляемъ, какъ могучими людьми, почти великанами! Но ужь будемъ лучше обыкновенными людьми, чѣмъ могучими дикарями; впрочемъ и по ученію Ницше, вся суть сверхчеловѣка кроется въ его психической организаціи: сверхчеловѣкъ будетъ эгоистичнымъ, а главное властолюбивымъ, задающимъ сильные вопросы предъ вѣтрами и непогодами и дающимъ гордые отвѣты; для котораго всѣ другія существа должны служить въ качествѣ рабовъ. Невольно является вопросъ: да неужели въ самомъ дѣлѣ это идеаль для людей и человѣчество ухватится за этотъ идеаль? Неужели власть и властолюбіе составляютъ суть жизни. Эта проповѣдь Фридриха Ницше есть какая то вакханалія эгоизма; она напоминаетъ мнѣ другую, нѣсколько подобную ей и довольно старую, философію знаменитаго римскаго эгоиста Петронія. „Наполни жизнь счастьемъ, г. послѣдній, какъ кубокъ самымъ лучшимъ виномъ, какое только породила земля, и пей, пока не омертвѣетъ твоя рука и не поблѣднѣютъ твои уста. Что будетъ дальше, объ этомъ я не забочусь“. Чѣмъ то холоднымъ, жестокимъ вѣетъ отъ такого ученія; и какая громадная разниа отъ другого, давно провозглашеннаго ученія, согрѣвающейа душу. „Если, читаемъ мы это ученіе, я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдъ звенящая или кимваль звучащій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви,—то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, цѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы, Любовь долготерпѣтъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслить зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ; все покрываетъ, всему вѣритъ,

всего надѣется, все переносить. Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится“ (1 Коринѳ. XIII, 1—8).

Какъ извѣстно, циничный эгоизмъ Петронія не сдѣлался лозунгомъ жизни для человѣчества. Одна уже эта историческая справка позволяетъ надѣяться, что и ницшеанскій эгоизмъ не сдѣлается принципомъ жизни, что его противокультурныя и антихристіанскія тенденціи современемъ провалятся какъ бездоказательныя и одностороннія. Человѣчество проклянетъ свою жизнь, если началомъ ея поставитъ не любовь, а ницшеанское стремленіе къ власти. Нѣтъ не надо людямъ, особенно намъ русскимъ, этихъ сверхчеловѣковъ: мы, кажется, имѣли уже нѣкоторое удовольствіе быть знакомыми съ ними: тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, наши доморощенные Салтычихи и Держиморды не сверхчеловѣки?! Неужели мы будемъ мечтать о сверхчеловѣкахъ, забывъ про власть тьмы, царящую въ нашемъ русскомъ народѣ? Впрочемъ, съ ницшеанской точки зрѣнія это будетъ послѣдовательно и логически необходимо. Но пусть будетъ чужда намъ эта точка зрѣнія!.. Мы русскіе не должны забывать тѣхъ задачъ, къ разрѣшенію которыхъ стремились великіе наши печальники и которыя идутъ въ полный разрѣзъ съ ницшеанскими. Задачи эти служеніе народу, просвѣщеніе его, освобожденіе его отъ рабства тѣмъ, власти ея; здѣсь, именно, боевое поприще просвѣщеннаго русскаго человѣка, а не въ стремленіи къ власти; къ такому именно поприщу звалъ насъ, подобно другимъ, великій нашъ Некрасовъ:

Я лиру посвятилъ народу своему;

Быть можетъ, я умру, невѣдомый ему,

Но я ему служилъ—и я умру спокоенъ!

Пушкой наноситъ вредъ врагу не каждый воинъ,

Но каждый въ бой иди! А бой рѣшитъ судьба...

Д. Скрынченко.

Епархіальная хроника.

Служенія Его Преосвященства. 10-го Апрѣля, въ недѣлю Вай, Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Михаилъ, Епископъ Минскій и Туровскій, совершалъ Божественную литургію въ Минскомъ Каѳедральномъ соборѣ. Наканунѣ Владыка совершилъ въ соборѣ всенощное бдѣніе.

Духовный концертъ. Въ Воскресенье, 3-го Апрѣля, въ залѣ дворянскаго собранія, архіерейскимъ хоромъ, подъ управленіемъ В. Кашина, былъ данъ духовный концертъ въ пользу вдовъ и сиротъ павшихъ на Дальнемъ Востокѣ воиновъ.

ЦЕРКОВНЫЯ ВЕЩИ

НА ВЕСЬ ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ

самый большой магазинъ

М. ФОЛОМИНА

ВЪ КІЕВѢ,

Подоль, Александровская ул. соб. домъ.

— **ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.** —

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО.

СОДЕРЖАНІЕ:

О таинствѣ миропомазанія.—Западно-русскія православныя братства и предстоящія имъ задачи дѣятельности, въ связи съ вопросомъ о признаніи свободы вѣроисповѣданій.—Ученіе Фридриха Ницше о цѣнности жизни въ связи съ общимъ его міровоззрѣніемъ. — Епархіальная хроника.

Редакторъ, Преподаватель Семинаріи Александръ Товаровъ.

Дозволено цензурою. Минскъ. 14 Апрѣля 1905 г. Цензоръ, Настоятель Екатерининскаго собора, Протоіерей **Павель Аѳонскій.**

Минскъ.—Типографія **С. А. Некрасова.**